

Научная статья

УДК 81`42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.21>

МЕТАФОРА КАК РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ В ФРЕЙМОВОЙ МОДЕЛИ

Сергей Викторович Гусаренко^{1*}, Марина Константиновна Гусаренко²¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)Доктор филологических наук, профессор
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>² Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)Кандидат филологических наук
mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Проведенные ранее исследования фреймовой организации художественного нарратива позволили прийти к выводам, что, во-первых, онтологические фреймы-детерминанты могут предопределять повествовательную структуру как протяженных фрагментов повествовательного текста, так и небольших фрагментов, ограниченных семантикой локального фрейма; во-вторых, семантико-синтаксический фрейм можно рассматривать как стандартную языковую единицу, обладающую стандартной целостной структурой и семантикой, а также устойчивым именованием. **Материалы и методы.** В предлагаемом подходе речевой фрейм представляет языковое выражение как речевое действие, содержание и совершение которого описывается в пропозициональном аспекте. Само по себе употребление метафоры в тексте есть стандартное речевое действие, включающее метафорическое выражение в контекст, при этом значение метафоры определяется языковым и прагматическим контекстом. Метафора (от слова до развернутой конструкции) может рассматриваться как речевое действие говорящего уже в силу того, что сам акт метафорического сравнения, заключенный в метафоре, может описываться в терминах пропозиций. Сюжетообразующие семантико-синтаксические фреймы в художественном нарративе рассматриваются как устойчивые языковые единицы, обладающие стабильными конвенциональными значениями и соответствующими стабильными именами. **Анализ.** Семантико-синтаксический фрейм следует рассматривать как стандартную семантическую модель типичной ситуации (бытовой, коммуникативной), в которой структурно-содержательным элементом семантики фрейма, а именно пропозициям, их предикатам и термам, заполняющим терминалы фрейма, соот-

ветствуют определенные языковые выражения для их представления в поверхностных структурах нарратива. Исходный тезис состоит в том, что с точки зрения задач описания релевантных параметров целесообразно представить метафору как модель семантико-синтаксического процедурного фрейма. **Результаты.** По итогам исследования предложена модель, в которой к первому терминалу фрейма отнесены ядерные пропозиции, описывающие базовые предикации метафорического речевого действия; ко второму – основания метафорического сравнения; к третьему – условия языкового контекста; к четвертому – условия прагматического контекста. Сделан вывод, что представление метафоры как речевого действия в виде процедурного семантико-синтаксического фрейма позволяет анализировать ее семантику, структуру и функции как результат выполнения соответствующих действий и семантических операций, отображенных в предлагаемой модели фрейма МЕТАФОРА.

Ключевые слова: речевой фрейм, пропозиция, терм, нарратив, метафора, цель, источник, основание сравнения, терминал, семантико-синтаксический

Для цитирования: Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Метафора как речевое действие в фреймовой модели // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 707–712. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.21>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 12.08.2023.

Статья принята к публикации: 30.08.2023.

Research article

METAPHOR AS A SPEECH ACTION IN A FRAME MODEL

Sergey V. Gusarenko^{1*}, Marina K. Gusarenko²¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)Dr. Sc. (Philology), Professor
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>² North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Earlier studies of the frame organization of the artistic narrative allowed us to come to the conclusion that, firstly, ontological frames-determinants can predetermine the narrative structure of both extended fragments of the narrative text and small fragments limited by the semantics of the local frame; secondly, the semantic-syntactic frame can be considered as a standard linguistic unit with a standard integral structure and semantics, as well as stable naming. **Materials and methods.** In the proposed approach, a speech frame represents a linguistic expression as a speech action, the content and performance of which is described in a propositional aspect. The use of a metaphor in the text itself is a standard speech action that includes a metaphorical expression in the context, while the meaning of the metaphor is determined by the linguistic and pragmatic context. A metaphor (from a word to a

detailed construction) can be considered as a speech action of the speaker by virtue of the fact that the act of metaphorical comparison itself, contained in a metaphor, can be described in terms of propositions. Plot-forming semantic-syntactic frames in an artistic narrative are considered as stable linguistic units with stable conventional meanings and corresponding stable names. **Analysis.** The semantic-syntactic frame should be considered as a standard semantic model of a typical situation (everyday, communicative), in which the structural and content elements of the semantics of the frame, namely propositions, their predicates and terms filling the terminals of the frame, correspond to certain language expressions for their representation in the surface structures of the narrative. The initial thesis is that from the point of view of the tasks of describing relevant parameters, it is advisable to present a metaphor as a model of a

semantic-syntactic procedural frame. **Results.** Based on the results of the study, a model is proposed in which nuclear propositions describing the basic predications of metaphorical speech action are attributed to the first terminal of the frame; to the second one – the bases of metaphorical comparison; to the third one – the conditions of the linguistic context; to the fourth one – the conditions of the pragmatic context. It is concluded that the representation of a metaphor as a speech action in the form of a procedural semantic-syntactic frame allows analyzing its semantics, structure and functions as a result of performing the corresponding actions and semantic operations displayed in the proposed METAPHOR frame model.

Keywords: speech frame, proposition, term, narrative, metaphor, purpose, source, basis of comparison, terminal, semantic-syntactic

Введение. Выполненные ранее исследования фреймовой организации художественного нарратива позволили прийти к выводам, что, во-первых, онтологические фреймы-детерминанты могут предопределять повествовательную структуру как протяженных фрагментов повествовательного текста, например главы или нескольких глав, так и небольших фрагментов, ограниченных семантикой локального фрейма; во-вторых, как семантико-синтаксический фрейм, формирующий сюжет повествования, так и подчиненный ему фрейм с некоторыми допущениями можно рассматривать как стандартную языковую единицу, обладающую стандартной целостной структурой и семантикой, а также устойчивым именованием (фрейм ПОКУПКА БИЛЕТА, например) [6]. Такой взгляд на фрейм – как на устойчивую единицу языка – в той или иной форме, в том или ином приближении к нашей трактовке неоднократно выражался в работах самых авторитетных лингвистов [7; 12; 14; 15]. Под семантико-синтаксическим фреймом мы понимаем стандартную семантическую модель типичной ситуации бытия (физического, социального, коммуникативного), в которой структурно-содержательным элементам семантики фрейма, а именно пропозициям, их предикатам и термам, заполняющим терминалы фрейма, соответствуют определенные языковые выражения для их представления в поверхностных структурах нарратива. Естественно, в отличие от имени фрейма, выражения эти могут варьировать в некоторых пределах.

Тезис о фрейме как о стандартной семантической единице языка, помимо того, что выведен в ходе исследований, также находит подтверждение при сопоставлении семантической структуры фрейма с лексическим значением его имени, представленном в толковом словаре: слоты фрейма в подавляющем большинстве случаев соответствуют набору дифференцирующих признаков в дефиниции имени фрейма в словаре [6].

При том что свойства онтологических фреймов в семантической структуре художественного нарратива уже основательно изучены, остается актуальным вопрос, какие еще стандартные, стабильные семантические структуры функционируют в художественном нарративе и как они взаимодействуют с сюжетообразующими и подчиненными им фреймами. Предметом нашего исследования стали семантические свойства языковых

For citation: Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. Metaphor as a speech action in a frame model. *Humanities and law research*. 2023;10(4):707-712. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.21>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.07.2023.

The article was approved after reviewing: 12.08.2023.

The article was accepted for publication: 30.08.2023.

конструкций, содержащих имплицатуры [5]. В данной работе мы предпринимаем попытку построения фреймовой модели метафоры, такой подход избран с той целью, чтобы эта модель позволила изучать взаимодействие метафоры с сюжетообразующими фреймами как взаимодействие между моделями одного уровня и типа организации.

Материалы и методы. Метафору мы рассматриваем как речевой фрейм, или фрейм РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ. В предлагаемом нами подходе речевой фрейм представляет языковое выражение как речевое действие, содержание и совершение которого описывается в пропозициональном аспекте. Само по себе употребление метафоры в тексте (не обязательно повествовательном) есть сознательное речевое действие, включающее метафорическое выражение в контекст, при этом значение метафоры определяется языковым и прагматическим контекстом. Метафора (от слова до развернутой конструкции), как представляется, может рассматриваться как речевое действие говорящего (пишущего) – уже в силу того, что сам акт сопоставления (сравнения), заключенный в метафоре, может описываться в терминах пропозиций. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «есть основания считать исходной для метафоры функцию характеристики, связывающую ее с позицией предиката» [2, с. 296]. Само определение метафоры не обходится без терминов, обозначающих совокупность, последовательность определенных стандартных языковых процедур (действий) – «механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [2, с. 296]. Термины *механизм, употребление, характеристика, наименование* подтверждают, как нам представляется, правильность выбора пропозиционально-фреймового описания метафоры в семантической структуре художественного нарратива. Дж. Лакофф и М. Джонсон для обозначения содержания конкретной концептуальной метафоры применяют пропозициональные выражения типа СПОР – ЭТО ВОЙНА [10, с. 26]. Здесь же отметим, что, последовательно выстраивая когнитивную теорию метафоры, названные авторы все же прибегают к сублимированной, «усредненной» семантической формуле, что при-

нято при структурном описании значений стандартных языковых единиц.

А. Н. Баранов, излагая основы когнитивной теории метафоры, подчеркивает, что «в основе метафорических процессов лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев» [3, с. 9], отображающих опыт взаимодействия человека с окружающим миром. Для нас приведенные положения имеют значение по той причине, что в них высказывается фреймовая природа метафоры. При этом добавим, что, как безошибочно мы распознаем в тексте фрейм по одному релевантному упоминанию его слота, так же безошибочно мы распознаем метафору и интерпретируем её, что говорит об объективно существующем алгоритме обработки фреймовых данных в метафоре, и алгоритм этот мало чем отличается от других языковых навыков, что дает некоторые основания приближать содержание фрейма к содержанию стандартной языковой единицы или модели (к примеру, синтаксической).

Описание метафоры в терминах фреймовой семантики находим в статье Н. Ф. Алефиренко, И. А. Ярошук «Художественный фрейм как средство интерпретации метафоры (на материале художественной прозы писателей Черноземья)» [1]. По мысли авторов, художественный фрейм, представляющий собой ассоциативно структурированную когнитивную единицу, организованную вокруг базового концепта, находит выражение в метафоре, смысловое содержание которой «вытекает из иерархически выстроенной системы знаний, извлекаемой из семантической структуры косвенно производного знака, обозначающего ту или иную денотативную ситуацию» [1, с. 26]. При этом фрейм рассматривается авторами как когнитивно-семантическая структура, имеющая форму пропозиции или набора пропозиций.

Как видим, такой подход в полной мере соответствует целям когнитивного описания метафоры и художественного фрейма, однако для описания фрейма как стандартной языковой единицы и метафоры как стандартной языковой операции представляется целесообразным рассмотреть предложенный в данной работе подход.

Мы предлагаем рассматривать метафору как набор семантических операций, в результате которых адресат речи получает импликацию метафоры. То есть речевой фрейм МЕТАФОРА рассматривается как процедурный фрейм в структуре сюжетобразующих онтологических фреймов в художественном нарративе. Такой подход приближает нас к концепции Мельчука, в которой язык есть интерфейс между мыслью и текстом, в котором она воплощена [11]. Преимущество такого подхода состоит в том, что представляется возможной попытка формального описания семантических преобразований, протекающих в ходе метафорического процесса [3].

Анализ. В состав первого, верхнего, терминала фрейма введены термы и ядерные пропози-

ции, описывающие базовые предикации метафорического речевого действия:

(1) *T1 сообщает T2: (2) T3 есть как T4 (← T3 есть T4).*

(3) *T1 выражает X.*

(4) Импликация: *T3 есть P/сделал P.*

Здесь первый терм T1 – говорящий, второй терм T2 – адресат речи, третий терм T3 – цель, в разных концепциях также – референт, денотативный дескриптор [3], четвертый терм T4 – источник, или коррелят, сигнификативный дескриптор [3], то есть объект, свойства которого посредством метафорического действия приписываются цели (денотативному дескриптору). P – имплицитно выраженное значение, характеристика, свойство, приписываемое языковому выражению – цели, предикат импликации [5]. Предложенные нами значения термов несколько отличаются от приведенных Ч. Филлмором [14], что вызвано спецификой семантической структуры рассматриваемых пропозиций.

Приведенную в скобках пропозицию *T3 есть T4* (например, СПОР – ЭТО ВОЙНА) представлять в качестве ядерной, на наш взгляд, неправомерно, поскольку так сформулированное предикативное отношение представляет собой, как отмечалось выше, сублимированную формулу поверхностной структуры всякой метафоры и описывает скорее метафорический прием, представляет ложное утверждение, поскольку «все знают», что спор – это не война, то есть никому в голову не придет интерпретировать метафору таким образом, что в ней содержится утверждение СПОР – ЭТО ВОЙНА.

Распределение символов семантических объектов и действий рассмотрим на следующем примере:

А пожаловался В:

Директор рыкнул на нас так, что мы повскакивали.

T1 – А

T2 – В

T3 – директор

T4 – рычащее животное (тигр, лев, собака)

X – испуг, оторопь (которые испытал T1)

P – [сказал нечто] неожиданно громко и грубо

Импликация: Директор сказал нечто неожиданно громко и грубо.

Ко второму терминалу отнесены основания сравнения, лежащего в основе метафоры. Под основаниями сравнения мы здесь понимаем свойства цели и источника, на основе которых совершается операция профилирование – «высвечивание отдельных свойств источника в области цели» [3, с. 9], то есть, как мы понимаем, приведение в соответствие определенным свойствам цели определенных свойств источника для ее характеристики. Данная операция может осуществляться в отношении цели, или денотативного дескриптора, только по присущим ей свойствам (в общем

случае нельзя характеризовать авторучку по основанию сейсмоустойчивости), из чего следует, что в области источника (сигнификативного дескриптора) в качестве характеризующего элемента должен выступать либо полный аналог свойства цели, например: *Аспирант с перепугу влетел не в ту дверь* – т.е. *очень быстро*, либо такой характеризующий элемент, который контекстуально избирается для характеристики цели, например, как в известной цитате: *В любви я – Эйнштейн*, здесь любовный опыт говорящего приводится в соответствие с авторитетом Эйнштейна в науке, что вряд ли можно назвать аналогичными свойствами цели и источника. Свойства первого типа мы далее будем называть свойствами-аналогами, свойства второго типа – приводимыми свойствами (для обозначения – латинские *a* и *p* соответственно).

Тогда ядерная пропозиция (2) *T3 есть как T4* с указанием основания сравнения во втором терминале будет выглядеть следующим образом:

(2) *T3 (a) есть как T4 (a)* или

(2) *T3 (p) есть как T4 (p)*.

С указанием исходных данных операция метафорического сравнения (переноса свойств) может быть представлена следующим образом:

$T4(a_1, a_2, a_3...) \rightarrow T3(a_1, a_2, a_3...)$ или

$T4(p_1, p_2, p_3...) \rightarrow T3(p_1, p_2, p_3...)$

Профилирование свойств источника в область цели обозначено в модели символом $\rightarrow$.

Очевидно, что операция профилирования определяется также такими факторами, как контекст языковой и контекст прагматический.

В результате операции метафорического переноса устанавливаются соответствия типа:

$a_1(T3) = a_1(T4)$, потому что *T1 выражает X + контекст языковой + контекст прагматический*.

$p_1(T3) \approx p_1(T4)$, потому что *T1 выражает X + контекст языковой + контекст прагматический*.

Данные выражения в модели фрейма метафора мы будем трактовать как основание метафорического сравнения.

В случае с примером *Аспирант с перепугу влетел не в ту дверь* первое из предложенных приведенных выше выражений интерпретируется следующим образом: свойство цели «скорость» **аналогично** свойству источника «скорость», потому что говорящий выражает интенсификацию свойства цели «скорость» + языковой контекст: *с перепугу*; также: *влетел* – устоявшаяся метафора + прагматический контекст (отсутствует в данном примере).

В случае с примером *В любви я – Эйнштейн* второе выражение основания интерпретируется следующим образом: свойство цели «опытность в любви» **приводится в соответствие** свойству источника «авторитет в науке», потому что говорящий выражает интенсификацию свойства цели «опытность в любви» + языковой контекст: *предшествующие языковые выражения говорящей,*

демонстрирующие его самоуверенность в отношениях с мужчинами + прагматический контекст: прагматическая пресуппозиция (13) *Эйнштейн есть великий авторитет в науке*.

К третьему терминалу фрейма МЕТАФОРА отнесено описание языкового контекста, из которого отдельные слоты экстраполируются в выражение основания метафорического сравнения во втором терминале. Под языковым контекстом здесь понимается и микроконтекст, то есть ближайшее семантическое окружение цели и источника, и макроконтекст – макроструктуры текста [8], тип текста, жанр.

К четвертому терминалу фрейма МЕТАФОРА отнесено описание прагматического контекста, из которого слоты экстраполируются в выражение основания метафорического сравнения во втором терминале. Под прагматическим контекстом здесь понимаются прагматические пресуппозиции, коммуникативное намерение и ситуация выполнения речевого действия (место, ролевые распределения, тип коммуникативной ситуации).

Результаты. Таким образом, в полном составе фреймовая модель метафоры имеет следующий вид:

Терминал 1. Ядерные пропозиции.

(1) *T1 сообщает T2: (2) T3 есть как T4 ($\leftarrow T3$ есть T4).*

(3) *T1 выражает X.*

(4) Импликатура: *T3 есть P/сделал P.*

Терминал 2. Основание метафорического сравнения.

$T4(a_1, a_2, a_3...) \rightarrow T3(a_1, a_2, a_3...)$ или

$T4(p_1, p_2, p_3...) \rightarrow T3(p_1, p_2, p_3...)$

$a_1(T3) = a_1(T4)$, потому что *T1 выражает X + контекст языковой + контекст прагматический*.

$p_1(T3) \approx p_1(T4)$, потому что *T1 выражает X + контекст языковой + контекст прагматический*.

Терминал 3. Языковой контекст.

А) Микроконтекст, дистрибуция в предложении.

Б) Семантические макроструктуры.

В) Тип текста (повествование, диалог, описание, рассуждение).

Г) Жанр текста (повесть, поэма, эссе, роман и т.п.)

Терминал 4. Прагматический контекст.

А) Прагматические пресуппозиции.

Б) Коммуникативное намерение.

В) Коммуникативная ситуация (место, ролевые распределения, тип коммуникативной ситуации).

Рассмотрим предлагаемую модель фрейма на конкретном примере применения метафоры в художественном нарративе. В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» разворачивается сцена агитации за создание автомобильного клуба:

– Ты, старый матрац, – говорил Персицкий голубоглазому юноше, – на это даже денег не надо давать [9, с. 181].

Персицкий разговаривает с человеком, который незадолго до этого момента отказался вступить в клуб, поэтому ему следует быть особенно убедительным. Замещение позиций в терминалах фрейма можно представить следующим образом.

Терминал 1. Ядерные пропозиции.

(1) Персицкий (Т1) говорил голубоглазому юноше (Т2).

(2) Ты (голубоглазый юноша) (Т3, Т2) есть как старый матрац (Т4).

(3) Персицкий (Т1) выражает неодобрение, раздражение (Х).

(4) Импликатура: Ты (голубоглазый юноша) (Т3) есть бесполезен в коллективе, слишком нерешителен (Р).

Терминал 2. Основание метафорического сравнения.

Матрац (физическое состояние: старый, утративший свойства – Т4 ($p_1, p_2, p_3 \dots$)) → Голубоглазый юноша (этическая оценка: бесполезный в коллективе, нерешительный – Т3 ($p_1, p_2, p_3 \dots$)).

Бесполезный в коллективе, нерешительный (юноша) (p_1 (Т3)) ≈ старый, утративший свойства (матрац) (p_1 (Т4)), потому что Персицкий (Т1) выражает своё неодобрение, раздражение (Х) + ранее голубоглазый юноша отказался вступать в автомобильный клуб (языковой контекст) + Персицкий намерен вызвать внутренний протест у юноши, приписывая ему бесполезность, нерешительность и тем самым склонить его к нужному поступку (прагматический контекст).

Терминал 3. Языковой контекст.

А) Микроконтекст: примыкает к контактно расположенному кореферентному товарищескому обращению Ты.

Б) Семантические макроструктуры: метафора в составе высказывания включена в эпизод, описывающий разговор коллег о создании автомобильного клуба.

В) Тип текста: диалог в нарративе.

Г) Жанр текста: роман.

Терминал 4. Прагматический контекст.

А) Прагматические presuppositions: Адресат Т2 знает, что старая вещь нефункциональна, бесполезна, как правило.

Б) Коммуникативное намерение: выразить неодобрение, порицание с целью склонить к нужному поступку.

В) Коммуникативная ситуация: место – редакция газеты, Персицкий (Т1) – агитатор за новое дело, голубоглазый юноша (Т2, Т3) – ретроград, противник нового, тип коммуникативной ситуации – общественная дискуссия.

Комментарий. Символы Т3 и Т2 здесь обозначают один и тот же объект – словосочетание *голубоглазый юноша*, поскольку оно обозначает адресата речи и в то же время выступает в качестве цели (денотативного дескриптора). Свойства цели и профилируемые в её область свойства источника обозначены как приведенные в соответствие (а не аналоги), поскольку сопоставляется этическая оценка человека с физическим состоянием бытового предмета. Во втором терминале в качестве оснований приводятся только наиболее значимые элементы языкового контекста и прагматического контекста, поскольку комплексное описание этих контекстов приведено в третьем и четвертом терминалах.

Отдельно следует сказать о представлении в модели фрейма операции профилирования свойств источника в область цели. Очевидно, что эта операция в аналитическом представлении требует объемного структурного описания большого количества взаимодействующих семантических объектов, поэтому будет целесообразно рассмотреть это как отдельный вопрос в следующих работах.

По результатам проведенной работы можно сделать вывод, что представление метафоры как речевого действия в виде процедурного семантико-синтаксического фрейма позволяет анализировать ее семантику, структуру и функции как результат выполнения соответствующих действий и семантических операций, отображенных в предлагаемой модели фрейма МЕТАФОРА. Предложенные содержание и композиция фрейма МЕТАФОРА, естественно, не могут рассматриваться как окончательное решение, поскольку другие исследовательские задачи могут потребовать модификаций фреймовой модели, к примеру, введения в нее такого параметра, как синтаксический тип метафоры.

Перспективным представляется следующий этап исследования, в ходе которого следует рассмотреть вопрос о том, каким образом фрейм МЕТАФОРА встраивается в фреймовую семантику художественного нарратива, каким образом, по каким параметрам и каналам фрейм МЕТАФОРА взаимодействует с фреймами нарратива.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф., Ярошук И. А. Художественный фрейм как средство интерпретации метафоры (на материале художественной прозы писателей Черноземья) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 18. № 13. С. 24–30.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 296–297.
3. Баранов А. Н. Предисловие редактора к Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 7–21. (256 с.)
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

6. Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Предикатно-фреймовое описание линейной семантики художественного нарратива // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 3. С. 18–30.
7. Дейк Т. А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. М.: Прогресс, 1989. С. 12–40.
8. Дейк Т. А. ван, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
9. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы. Записные книжки. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
11. Мельчук И. А. Русский язык в модели “смысл↔текст”. Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.
12. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
13. Столнейкер Р. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438.
14. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М.: Радуга, 1983. С. 74–122.
15. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

References

1. Alefirenko N. F., Yaroshchuk I. A. An artistic frame as a means of interpreting metaphor (based on the material of fiction prose by writers of the Chernozem region) *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2013;13 (18):24-30.
2. Arutyunova N. D. Metaphor in Linguistic encyclopedic dictionary. Ed by V.N. Yartsev. Moscow: Sov. Encyclopedia; 1990. P. 296-297.
3. Baranov A. N. Editor's preface to Lakoff J., Johnson M. *Metaphors we live by*: Trans. from English. Ed. And with a preface by A.N. Baranov. Moscow: LKI Publishing House; 2008. P. 7-21.
4. Galperin I. R. Text as an object of linguistic research. Moscow: KomKniga; 2007. 144 p.
5. Grice G.P. Logics and conversation in New in foreign linguistics: Linguistic pragmatics. Issue XVI. Moscow: Progress; 1985. P. 217-237.
6. Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. Predicate-frame description of linear semantics of artistic narrative. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. 2020;3:18-30.
7. Dijk T. A. van. Context and cognition. Frames of knowledge and understanding of speech acts in Language. Cognition. Communication: Collection of works. Moscow: Progress; 1989. P. 12-40.
8. Dijk T. A. van, V. Kinch. Strategies for understanding a coherent text in New in foreign linguistics: Cognitive aspects of language. Issue XXIII. Moscow: Progress; 1988. P. 153-211.
9. Ilf I., Petrov E. Twelve chairs. The Golden Calf: Novels. Notebooks. Moscow: Eksmo; 2007. 640 p.
10. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors we live by*: Trans. from English. Ed. And with a preface by A.N. Baranov. Moscow: LKI Publishing House; 2008. 256 p.
11. Melchuk I. A. Russian language in the “meaning ↔ text” model. Moscow – Vienna: School “Languages of Russian Culture”, Vienna Slavistic Almanac; 1995. 682 p.
12. Minsky M. A framework for representing knowledge. Moscow: Energy; 1979. 152 p.
13. Stalnaker R. Pragmatics in New in foreign linguistics: Linguistic pragmatics. Issue XVI. Moscow: Progress; 1985. P. 419-438.
14. Fillmore Ch. The main problems of lexical semantics in New in foreign linguistics. Issue XII. Moscow: Raduga; 1983. P. 74-122.
15. Fillmore Ch. Frames and semantics of understanding in New in foreign linguistics: Cognitive aspects of language. Issue XXIII. Moscow: Progress; 1988. P. 52-92.